

8. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М., 2001.
9. *Рязанцева Т.* Змалювати думку (Концептизм як напрям метафізичної поезії доби Бароко). – К., 1999.
10. *Соловей Е.С.* Українська філософська лірика. – К., 1999.
11. *Шайтанов И.* Уравнение с двумя неизвестными. Поэты-метафизики Джон Донн и И. Бродский // Вопросы литературы. – 1998. – №6. – С.3-39.
12. *Шварц Е.* Дикопись последнего времени. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
13. *Элиот Т.С.* Поэты-метафизики // Литературное обозрение. – 1997. – №5. – с.42-46.
14. *Яковина О.* Метафізична українська поезія другої половини XVII ст. – К., 2001.

УДК 821.161.1:82-1 / Григорьев

Д.Ю. КОНДАКОВА
(Киев)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ ГЕННАДИЯ ГРИГОРЬЕВА

Аннотация.

Кондакова Д.Ю. Петербургский текст в поэзии Геннадия Григорьева

В статье рассмотрена специфика функционирования Петербургского текста в творчестве современного русского поэта Геннадия Григорьева. Определены структурно-семантические составляющие Петербургского текста в лирике автора, их вариации и модификации в контексте культурной традиции, их роль в креации современного мифа о мире и человеке.

Ключевые слова: Петербургский текст, Петербургский миф, радиція, модификации, ирония, омонимическая игра, игровий модус.

Анотация.

Кондакова Д.Ю. Петербурзький текст в поезії Геннадія Григор'єва.

У статті розглянуто специфіку функціонування Петербурзького тексту в творчості сучасного російського поета Геннадія Григор'єва. Визначені структурно-семантичні складові Петербурзького тексту в ліриці автора, їх варіації та модифікації у контексті культурної традиції, їх роль у креації сучасного міфу про світ та людину.

Ключові слова: Петербурзький текст, Петербурзький міф, традиція, модифікації, іронія, омонімічна гра, ігровий модус.

Summary.

Daria Kondakova. Petersburg text of Gennagiy Grigoriev's lyrics.

In the article the specific of functioning of the Petersburg text in creation of the modern Russian poet Gennady Grigoriev is considered. In the author's lyrics structural-semantic components of the Petersburg text, its variations and modifications in context of cultural tradition are defined and systematized.

Key words: Petersburg text, Petersburg myth, tradition, modifications, irony, homonymous game, gaming modus.

Петербургский текст современной русской поэзии, к сожалению, на сегодняшний день явление малоизученное, несмотря на существование значительного количества работ, посвящённых Петербургскому тексту русской литературы. Здесь, прежде всего, необходимо назвать работы В.Н.Топорова, который, собственно, включил в научный обиход и обосновал термин «Петербургский текст» [9], а также ряд сборников, посвящённых данной проблеме: «Существует ли Петербургский текст?» [7], «Феномен Петербурга» [10; 11] и другие. Следует отметить, что большая часть исследований носит теоретический характер, иногда острополюемический по отношению к концепции Топорова (работы В.Шмида [12], А.Б.Муратова [3]).

Данная статья посвящена творчеству Геннадия Григорьева, современного петербургского поэта, принадлежащего к поколению «детей железного занавеса»¹. Его поэзия не становилась предметом специальных исследований, чем обусловлена актуальность данной работы.

Геннадий Григорьев (1949-2007) родился и жил до самой смерти в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Учился на филфаке ЛГУ, но, так и не закончив его, позже заочно с перерывами учился в Литинституте и получил диплом тогда, когда стал уже популярным поэтом. О положении Григорьева в петербургском поэтическом мире свидетельствуют слова литературного критика В.Топорова: «Геннадий Григорьев был, бесспорно,

¹ Так назвал поэтов, родившихся с 1946 по 1953 год, Е.Евтушенко в составленной им «Антологии русской поэзии XX века».

лучшим поэтом своего поколения. Геннадий Григорьев на рубеже 80–90-х прошлого века был самым популярным поэтом нашего города. Геннадий Григорьев был единственным (наряду и наравне с Глебом Горбовским) поэтом, творчество которого в равной мере привлекало и искушенных знатоков, и широкую публику. Геннадий Григорьев был королем питерских поэтических подмостков, пока существовали сами подмостки» [8]. Писатель и музыкант В.Рекшан заметил, что Григорьев «с точки зрения литературной формы классический советский поэт, но в нем было такое несветское хулиганство» [4], и всё же «многое из его поэтической лирики вполне укладывается в советские, в хорошем смысле, формы» [там же]. Таким образом, будучи по форме советским (читай – классическим) поэтом, при этом Григорьев был представителем петербургского андеграунда.

Цель статьи – рассмотреть поэзию Г.Григорьева в аспекте Петербургского текста, вписать творчество современного автора в данный контекст русской литературы.

Согласно концепции В.Н.Топорова, существует особый набор «элементов, выступающих как диагностически важные показатели принадлежности к Петербургскому тексту и складывающихся в небывалую в русской литературе по цельности и концентрированности картину, беспрочно отсылающую читателя к этому “сверх-тексту”» [9, 60].

По мнению В.Шмида, существует также определённый набор тематических и формальных признаков Петербургского текста. К ним учёный относит «противопоставление естественного и искусственного, природы и культуры, стихии и власти, неопределённость и ненадёжность феноменов, осцилляция между фантастичностью и реалистичностью, усиливемое способами изложения колебание между онтологическими статусами» [12, 12].

Поэзия Григорьева вписывает яркую страницу в Петербургский текст русской литературы. Поэт, выросший в городе на Неве и впитавший всю литературную традицию «петербургской» литературы, в одном из поздних интервью, рассуждая о поэтах его поколения и поэтической жизни современной России, заметил, что надежды его поколения во многом не

оправдались, но неизменным остался «этот город, Питер, это все моё, моё»¹.

Поэт, соединивший линию своей судьбы с береговой линией Финского залива («Береговая линия Финского залива, это линия моей судьбы. Ее ломали, но не поломали»²), ощущавший «душу Петербурга» (Н.П.Анциферов), написал поэтическое завещание – стихотворение «А что я оставлю, когда я уйду...», которое также неотрывно связано с морской темой: в нём встретились «и берег балтийский, и крымский прибой». Однако при более пристальном рассмотрении за первым планом стихотворения видятся составляющие петербургского мифа – «крайность» расположения города на берегу и фигура Петра, основателя российского флота, прошедшего от крымского прибоя (первая победа русского флота при взятии Азова) до балтийского берега – места основания Петербурга.

Обратимся к анализу исторической, природной, духовно-культурной и материально-культурной сферам Петербургского текста поэзии Григорьева. По предложенной В.Н.Топоровым концепции Петербургского текста, из субстратных элементов природной сферы формируется специфический климатически-метеорологический комплекс (дождь, снег, метель, ветер, холод, жара, наводнение, закаты, белые ночи, цветовая гамма и светопроницаемость и т.п.) [9, 29]. В стихотворениях Григорьева данный комплекс реализован достаточно полно и подробно: «Где-то рядом грохочет шоссе, / И клубится туман над заливом» («Коса»); «Он думает – из ваты облака, / так и дождей над нами не бывает?» («Актер»); «Ты не уходишь. / Ты – перестаешь, / как теплый дождь над яблоневым садом» («Ты отведешь свои глаза...»); «Вьюга вертит свои виражи. / Валит снег, / валит с ног, валит вниз» («Кхари хрис»); «по городу, в котором / тьма темных мест, как в «Слове о полку»«, «свет блеснет в окне» («Ночной дозор»); «Там листья о низкое небо стучатся» («Летний сад»); «движутся колокола, / колыша / черный воздух / над моей страной» («Бога нет»); «В такие дни, как нынешние / ночи» («Белые ночи»); «несмотря на скверный климат, / непогоде вопреки, / город выкрашен и

¹ <http://www.is.ifmo.ru/belletristic/genngri/>

² Там же

вымыт» («Город в праздник»); «И внезапно дремучий туман / Поднялся над Маркизовой лужей»; «Погружается город в потёмки», «Он над городом мрачным завис» («Ангел»).

Поэт преимущественно обращается к образам и состояниям водной стихии. Дождь и выюга сопрягаются с образами блоковской поэтики, тогда как жара, палящее солнце в каменном городе, сложный комплекс запахов, характерных, к примеру, для поэтики Ф.Достоевского, «гениального оформителя традиции Петербургского текста» (Топоров), у Григорьева менее выражены. В данном случае усматривается ориентированность Григорьева в большей степени на поэтическую традицию рубежа веков, в меньшей – на традицию XIX века. Подобная преемственность – одна из характерных черт современной поэзии.

Один из ключевых образов в поэзии Григорьева – балтийский ветер. Он у Григорьева стихийный, яростный, хулиганский: «бесшабашный», «бандитский», «наглый». Такой ветер был единственным воздухом, которым поэт мог дышать в полную глубину (см. статью Е.Салмановой «Открытый всем втрам» [6]). Надежда на встречный ветер (стихотворение «Выбор ветра»), в противоположность ветру попутному, отражает жизненную позицию автора: не идти по ветру (подгоняемым ветром), а принять удар стихии, побуждающей к борьбе: «А я не верю в попутный ветер, [...] Попутный ветер – плохой попутчик. [...] Попутный ветер – су-ма и посох. И значит – нужно ему перечить» (цит. по: [6]).

Ещё один субстратный элемент природной сферы, формирующий Петербургский текст, согласно классификации В.Н.Топорова, – л а н д - ш а ф т н ы й (вода, суша /твердь/, зыбь, однообразие местности, ровность, отсутствие природных вертикальных ориентиров, открытость /простор/, незаполненность /пустота/, разъятость частей, крайнее положение и т.п.) [9, 29]. Ландшафтный элемент Петербургского текста в поэзии Григорьева представлен разностороннее и детально: «Там листья о низкое небо стучатся» («Летний сад»); «я глаза спокойно поднимаю / к небесам, / которых тоже нет» («Бога нет... Ну что ж и слава Богу...»); «Погружается город в потёмки. / Видишь – ангел сидит на игле» («Ангел на игле»); «Я и сам разину рот / и застыну, рот разинув, / и людской водоворот / втянет, втиснет, понесет / вдоль закрытых магазинов. / Мимо парков, мимо скверов, / мимо милиционеров» («Город в праздник»).

Отсутствие природных вертикальных ориентиров в Петербурге привело к их замещению ориентирами, созданными человеком. Так, ангел на шпиле собора в Петропавловской крепости становится буквально воплощением вертикали божественное-земное. Примечательно, что ангел мечтает «ринуться вниз, / чтобы хрустнули крылья о кронверк», ощущая безнадежность своего положения. Заметим, что один из компонентов петербургского мифа – представление о городе, усугубляющем болезненные состояния: «это город, который давит и душит» (Ф.Достоевский). Как отмечает В.Топоров, ещё в XIX веке «Петербург [...] шёл впереди всей России по [...] чахотке, по алкоголизму, по числу душевнобольных и по числу самоубийств» [9, 33]. Омнимическое обыгрывание архитектурных деталей города («ангел сидит на игле», т.е. шпиле собора Петропавловской крепости), медицинского термина в разговорном варианте («хроник» – хронический больной) и сленгового определения наркотической зависимости («сидит на игле») подчёркивают неизлечимые болезни Петербурга и шире – всего современного мира.

Как отмечает В.Н.Топоров, «финскость», «чухонскость», «ингерманландскость» Петербурга – важные составляющие образа города, который в начале XIX века ещё называли Финопольс, «финское болото» [9, 12]. Данная семантика детализировано разрабатывается Григорьевым в стихотворении «Болото» («В разговорах, в любви, в работе...»):

В разговорах, в любви, в работе
Мы куда-то себя торопим...
Петербург стоит на болоте,
По болоту идем. По топям.

Не случайным видится употребление возвратного местоимения «себя». Поэт не снимает личной ответственности каждого человека за свою жизнь.

Петербург как большой столичный город, где «всё спешит», был отмечен многими писателями ещё в XIX веке. В спешке не замечаются ни особое месторасположение города, ни опасный, «неверный», или даже гибельный путь и ненадежность дороги:

Если даже по магазинам,
Или в гости к знакомой даме –
Все равно идем по трясинам,
Сотрясающимся под ногами.

Высокие, чистые и недостижимые образы Прекрасной Дамы из знаменитого поэтического цикла и Незнакомки из одноименной лирической драмы А.Блока травестируется Г.Григорьевым и в современных условиях петербургской действительности снижается до просто «знакомой». Одновременно, «дама» – традиционное петербургское обращение к женщине, таким образом, как это характерно для поэта, контаминируется высокое и низкое, «возвышенное и земное».

В другой редакции стихотворения последняя строка цитированной выше строфы звучит как: «глухо чавкающие под нами». Возникает образ безобразной сытости, пошлости, а хождение по магазинам, давно превратившееся в привычное повторение, отражает рутинное и неистинное существование современных обитателей города.

Сотрясающиеся трясины у Г.Григорьева соотносятся и с ни раз упоминавшимся в литературе сотрясением петербургских мостовых. Так, Д.Лихачёв писал: «Звуки Петербурга! Конечно, в первую очередь вспоминаешь цоканье копыт по булыжной мостовой. Ведь и Пушкин писал о громе Медного Всадника “по потрясённой мостовой”». [2, 50]. Напомним, что миф о Медном Всаднике – один из ключевых и наиболее разработанных авторами и комментаторами Петербургского текста. Григорьев, несомненно, учитывает поэтическую традицию, сложившуюся вокруг фальконетовского памятника Петру, в том числе в «детских» строках: «Даже медному Петру / шею вымоют к утру» («Город в праздник»). Как известно, фразеологизм «намылить шею» означает «проучить (кого-либо), наказать» [5]. Можно предположить, что в данном случае имеет место обыгрывание той части петербургского мифа, которая гласит, что царь должен быть наказан за основание города, более того, столицы, в столь неподобающем для жизни месте.

Амбивалентность города, его дистанцированность от остальной России («особая роль в Петербургском тексте принадлежит крайнему положению Петербурга, месту на краю света, на распутье» [9, 29]), подчеркнутая «европейскость» Петербурга, города дворцов и золотых куполов, эксплицируется и корректируется поэтом благодаря балансированию на тонкой грани слова «почти»:

Петербург – он почти в Европе,
Петербург – он богат дворцами...

Но какие повсюду топи! –
Чуть оступишься и – с концами.
Купола стоят в позолоте...
Шпили ввысь устремились стройно.
Петербург стоит на болоте.
По ночам у нас неспокойно.

Здесь достаточно чётко прослеживается пространственная парадигма «верха» (купола, шпили) и «низа» (топи, болото). Но купола, стоящие в позолоте, эксплицитно сопряжены не с фольклорными «золотыми куполами» – сакральными символами духовности и культуры, а, скорее, метафорически указывают на петербургские реалии, где многие архитектурные особенности, определяющие облик города, – наносные, иначе – привнесённые извне (главным образом, из Европы).

Упомянутые в тексте стихотворения архитектурные детали выступают знаками культуры и духовности. Аллитерация «стр» («устремились стройно») подчёркивает чёткость и заданность линий Петербурга. Шпили тянутся к небу, выстраивая вертикальные ориентиры города, сама же парадигма «верха» намечает ориентиры духовные.

Обратим внимание, что стихотворение «Болото» насыщено фигурами повтора. Если использовать классификацию, предложенную ещё в начале прошлого столетия О.Бриком [1], то здесь представлены различные вариации повторов: кольцо («В разговорах, в любви, в работе»), стык («Петербург стоит на болоте, / По болоту идем. По топям»), скреп (т.е., анафора, единоначатие: «Петербург – он почти в Европе, / Петербург – он богат дворцами...»). Таким образом, в данном стихотворении парадигма низа выражена гораздо более подробно, усиленная повторами.

Тревожный аккорд, сопровождающий любые размышления о Петербурге как городе исключительно торжественном и праздничном, отразился и в других произведениях Г.Григорьева. Например: «Буду верить свету, чуду, / верить празднику, но вдруг, / словно шарик надувной, / лопнет небо надо мной» («Город в праздник»). Зыбкость почвы и шире – зыбкость выбранного пути, всего существования города и людей, его населяющих, иногда приводит к трагическим последствиям:

На болоте не видно брода,
На болоте шумит осина...
Вон – случайного пешехода

Засосала опять трясина.
Как подумаешь... А ведь что-то
В этой жизни не то творится...
Все спешат, а кругом болото.
Дай им, Боже, не провалиться.

Здесь заметно расширение губительного пространства бездуховности, распространяющегося вокруг человека: «кругом болота», «повсюду топи», где жизненная трясина поглощает замешкавшихся. Основная причина, по Григорьеву, таится не столько в трудных природно-климатических условиях и зыбком месте, на котором стоит город, сколько в личном выборе каждого. В стихотворении возникает мотив предательства, поскольку осина – дерево, на котором, по преданию, повесился Иуда. В стихотворении данный мотив знаменует предательство человеком аксиологических ценностей. И только те, кто задумывается о ходе жизни, возможно, поймут губительность пути и смогут вырваться из жизненного болота. Конкретная реалья – основание Петербурга на болотистой местности – контаминируется с метафорическим обозначением болота как рутинного бездуховного существования.

В финальной строке стихотворения поэтическое обобщение выходит на иной, трансцендентный уровень – обращение к Богу, упование на Господню помощь воспринимается как последняя надежда на спасение в городе, построенном на нетвёрдой почве.

Таким образом, в поэзии Г.Григорьева Петербургский текст и его составляющие экспланируют художественную модель современного мира и состояние человека в нём. Актуализируя литературный контекст традиционных образов и мотивов, характерных для Петербургского текста, обыгрывая и расширяя их семантику, поэт продуктивно использует широкие возможности омонимии, различных средств изобразительности: ритмических фигур, аллитерации и др. Г.Григорьев поднимает философские проблемы бытия человека и мира, что определяет вклад современного поэта в Петербургский текст русской литературы. В статье обозначен лишь один аспект проблемы, в целом же изучение Петербургского текста в творчестве Г.Григорьева представляется продуктивным для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брик О.* Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха) // Сборники по теории поэтического языка. II. – Пг., 1917. – С. 24-62. Цит. по: [http://ru.wikisource.org/wiki/Звуковые_повторы_\(Брик\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Звуковые_повторы_(Брик))
2. *Лихачёв Д.С.* Воспоминания: Избранное. – Санкт-Петербург: Logos, 1997.
3. *Муратов А.Б.* Действительно ли существует Петербургский текст? // Существует ли Петербургский текст? / Под. ред. В.М. Марковича, В.Шмида. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – С.13-24.
4. *Рекиан В.* – <http://www.5-tv.ru/video/501484/> (Транскрипт передачи)
5. *Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А.* Современный русский язык. М.: Айрис-Пресс, 2002 <http://www.grammar.ru/RUS/?id=7.7>
6. *Салманова Е.* Открытый всем ветрам // Слово\Word. – 2009. – № 61. – Эл. ресурс: <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/61/sa9.html>
7. Существует ли Петербургский текст? / Под. ред. В.М. Марковича, В.Шмида. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
8. *Топоров В.* – http://www.bookvoed.ru/1171one_news.html
9. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ». 2003.
10. Феномен Петербурга: Сб. статей / Отв. редактор Ю.Н. Беспятых. СПб.: Издательство «Русско-балтийский информационный центр “БЛИЦ”», 2000.
11. Феномен Петербурга: Сб. статей / Отв. редактор Ю.Н. Беспятых. СПб.: Издательство «Русско-балтийский информационный центр “БЛИЦ”», 2006.
12. *Шмид В.* Что такое «Петербургский текст»? // Существует ли Петербургский текст? / Под. ред. В.М. Марковича, В.Шмида. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – С. 12.

УДК 821.161.1: 82-3 / Токарева

Ю.А. БУКИНА
(Киев)

ДОМИНАНТНЫЕ ЧЕРТЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА В.ТОКАРЕВОЙ

Аннотация.

Букина Ю.А. Доминантные черты художественного мира В.Токаревой.

В данной статье рассматриваются доминантные черты художественного мира В. Токаревой. Ее интересуют такие моральные категории, как душевная неуспо-